

ВОДКА СГУБИЛА

Зима только что начала устанавливаться. Дедка–мороз свободно расхаживал по лесам и лугам и устраивал разные разности: то остановит быструю речку и наложит на нее ледяные оковы, то побежит в лес и засыплет инеем зеленые ели и сосны, то подкрадется к окнам домов и разрисует их разными причудливыми узорами, которых и не придумать человеку, то увидит на дороге путников и начнет приставать к ним — щипнет за ухо или за нос или станет леденить им щеки, руки и ноги, то пустится по деревне и не даст никому показаться на улице из теплой хаты — сейчас погонит обратно на печку... И много–много шалил и резвился дедка–мороз, несмотря на свою седую бороду и белые волосы.

Не забыл он и деревеньку Сосновка, которая расположилась в долине за лесочком, верстах в 5 от одного уездного города. Стало и в ней холодно... Дедка–мороз и здесь успел разрисовать окна, а сам пощелкивал и потрескивал в сенях, словно угрожая ворваться в теплую избу и в ней всех заморозить. Хозяйки жарче топили печи, затыкали тряпками и полотенцами щели и дыры, разводили самовар, около которого собиралась греться вся семья...

Жалкий вид имела деревня Сосновка. Избы были покрыты соломой и уже обветшали, многие из них покривились и вросли в землю, так что окна едва возвышались над землей; при некоторых избах вовсе не видно было дворов, а некоторые дворы стояли или совсем раскрытыми, или с прогнившей и дырявой соломенной крышей. Только три–четыре дома сравнительно нарядно выглядели, но и они стояли как–то неуклюже, словно им самим неловко было находиться среди захудалых избушек.

А жить хорошо можно было в этой деревне. Вследствие близости города всегда можно было найти себе заработок, тем более что вокруг сводились большие леса, и рабочие руки всегда были нужны. От работы отбоя не было.

Одна лишь была беда — крестьяне „Сосновки“ любили выпить, и так зашибали, что почти весь свой заработок пропивали, а

разгулявшись спускали иногда с себя и одежду... О хозяйстве некогда было подумать. Скотина ненакормленная, ненапоенная, неухоженная хирела, а часто и околевала; занятые стряпней и ребятами хозяйки не успевали справляться с работами по двору, отчего все приходило в упадок... Известное дело у пьяницы дом — сирота...

Таким сиротливым казался и крайний дом в деревне Сосновке. Бывало, как поднимется ветер или завоет вьюга в поле и засвищет около дома Ивана Гаврилова Терехина, так вот и чудится, что кто-то стонет и плачет, и горюет по сиротской доле...

А дом когда-то, видно, был хороший, просторный и богатый... Лет пятнадцать тому назад, когда жив был еще старик, и дети жили все вместе. Но вскоре после смерти старика дети не захотели жить вместе и просили свою мать выделить их. Заньло сердце матери, когда она услышала решение своих детей. Пробовала, было, она их уговорить:

— Детушки мои родные! Не доброе дело задумали вы. Жили мы все при старике вместе, все работали в один дом, хорошо все шло у нас, друг другу помогали. Помните, что говорил отец вам, он просил вас жить вместе и меня старуху не бросать, а теперь к кому я пойду?! Все вы мне милы, все дороги и всех-то вас мне жаль; подождите хоть смертушки моей, закройте глаза мне, чтобы они не видали вашего несчастья, засыпьте меня, старую дуру, мать вашу, чтобы не слышать мне горя вашего, чтобы не терзаться сердцем за вас, детушки мои милые.

Но братьям не по сердцу стало совместное житье, потому что каждому хотелось работать только на свою семью и жить отдельно своим хозяйством, да кстати и невестки не ладили между собой. Раньше, бывало, боялись они старика, слушались его; чуть какая начнет с другой перебранку или ссору, крикнет он на них и скажет:

— Чего вы?! Аль белены объелись?! Чего не поделили? У меня чтобы мирно жить и друг другу служить!

И присмиреют бабы и снова заживут мирно и покойно. А теперь с ними сладу нет. Сами переругаются, да и мужиков поссорят друг с другом, а мать ничего не может поделывать с ними.

Не послушались дети матери и разделились. Мать по добру отпустила старших, наградила их, а с собой оставила младшего сына Ивана, которого очень жалела. Хорош он был для нее, да только пил

при всяком удобном случае. Не мог он спокойно видеть кабака, если есть грош в кармане, так уж непременно его пропьет. Где же такому человеку поддерживать дом и хозяйство?! Он и себя—то сам не мог удержать. Сколько раз мать со слезами ему говорила:

— Побойся ты Бога, сынок. На то ли растила я тебя, на то ли ходила за тобой, на то ли уму—разуму учила, чтобы ты такой непутевый вышел у меня?! Моим старым глазам стыдно на деревни показаться — все ведь помнят, как со стариком — то мы жили; ведь все мы теперь обносились, ходим чуть не раздетые, не разутые; твои дети голодают часто, жена измучилась с тобой; сколько слез мы пролили о тебе с ней, простаивая у ворот, ожидая твоего возвращения поздно ночью из города. Сколько тяжких думушек передумывали, боясь, не случилось ли с тобой худого чего или не захватила ли тебя где смерть! Какой отец ты! Чему научишь ты малых детушек своих! От Божьего храма отбились они, потому что не в чем выйти им, да и сам ты забыл дорожку туда, забыл поминать и отца своего, помру я, и кто станет молиться за упокой души моей? Опомнись, Иванушка, долго ль до греха? А намеднясь, ты. помнишь, как напился, еле откачали, совсем было душу Богу отдал; пожалей себя, остепенись, родной мой!..

Коли трезвый — слушает Иван слова матери и плачет:

— Родимая моя матушка! Правильно говоришь ты, я и сам все то думаю, а пуще всего тебя мне жаль, родимую мою, знает мое сыновнее сердце, сколько горя хлебнула ты в жизни своей, сколько горьких слез пролила ты украдкой в темные ноченьки, сколько пролила ты их на молитве. А разве не люблю я тебя? Шибко люблю и хожу за тобой, как за душой своей, только нет мне счастья, знать: сосет зеленый змий внутри меня, огнем палит, и хочется мне утопить змия этого, хочется залить огонь жаркий, да моченьки моей нет. Эх, матушка, не проклинай меня, не брани, може и в самом деле скоро придется помереть мне. Не поминайте меня тогда лихом: ведь непутевая такая голова моя.

А коли выпьет, бывало, Иван, тогда лучше уж и не подходи к нему — зарубит топором или убьет чем попало. Так из боязни и старались все угождать ему пьяному, чтобы остаться в живых.

На другой день зимнего праздника в честь Святителя Николая

вечером вся семья Ивана сидела за самоваром и усердно попивала китайскую травку. А на дворе сильно морозило. Дул ветерок, и небо заволокло тяжелыми облаками, предвещавшими непогоду. У Ивана со вчерашнего дня болела голова — крепко гульнул он в праздник. Поздно ночью приволокли его добрые люди, и он молча грохнулся на пол, так как от сильного опьянения язык совершенно его не слушался, и сразу захрапел на всю избу, причем воздух вырывался из его груди с каким-то свистом и хрипом. Только после полудня на другой день он очнулся и малость опохмелился.

— Боле не стану пить сегодня, что-то неладно мне, — говорил он матери и жене.

Мать за чаем снова со слезами стала уговаривать сына пожалеть себя и бросить пить, и так это разогорчилась она, так затужила сердцем, что вдруг, закачавшись на скамье, тихо начала падать и глухо стонать, схватившись за сердце.

— Ой, родимые, умираю, смерть моя пришла, скорее батюшку бы мне, — и больная умолкла, продолжая только глухо стонать и озираться вокруг.

— Иван, поезжай скорее за батькой, — сказала жена Ивану, а сама стала ухаживать за старухой, брызгать ее святой водой, растирать маслом из лампы и читать молитвы, как знала.

Иван растерялся. Он словно прирос к месту и не понимал, в чем дело; испуганными глазами смотрел он то на свою старуху-мать, то на жену, то на ребятишек, которые окружили больную и любопытно заглядывали ей в лицо.

— Ну, чего, дурень, стоишь? Слышь, — мать просила батьку.

— Вишь, плохо ей, ну помрет! Чего стоишь, разиня рот-то? Запрягай да езжай за батькой.

— Ладно, сейчас, — произнес в каком-то раздумье Иван и пошел запрягать лошадь. Быстро запряг он ее со своим сынишкой — десятилетним Митькой и вошел в дом за кушаком и тулупом. Холодно показалось ему на дворе; ветер сильно крепчал, а кроме того его трясла лихорадка с похмелья, да к тому же и мать ему было жаль, не померла бы, и он решил на дорогу выпить стакан водки, чтобы теплее и веселее было ехать. Сказано — сделано. За один дух выпил он стакан водки, тихо крякнул и, не закусив ничем, рукою вытер усы

свои и каким-то тупым взглядом посмотрел на больную мать. Затем совершенно машинально положил он бутылку с водкой в карман и пошел в двери!

— Тятка, возьми меня; я тебе подержу лошадь, пока ты будешь у бабки, — как-то робко и нерешительно произнес Митька.

— Ладно, пострел, полезай скорее в сани.

И отец с сыном выехали за ворота, которые затворила за ними восьмилетняя девочка Марфутка.

Ехать надо было в город — полем две версты, версты две лесом и по большой дороге с версту.

Ветер в поле гулял всюду. Снег хлопьями падал на землю, кружась в воздухе, и залеплял глаза. Митька старался глубже зарыться в сено, так как ветер свободно продувал его, проникая через его дырявый зипун. Дедка-мороз не зевал. Ему не жаль было мальчугана, он вместе с ветром добирался до тела Митьки и щипал его, леденя своим холодным прикосновением. Отец нахлобучил шапку, сидел молча и только погонял лошадь, чтобы скорее въехать в лес, где не так ветрено, где можно будет немного и «пообогреться».

Вот и лес. Иван нащупал в кармане полушубка бутылку и принялся «греться».

— Хочешь, пострел, водки? Пей, тебе говорю! Ты кто такой? Митька? А я, стало быть, твой отец; потому ты должен слушать своего родителя. Ежели он говорить тебе «пей», стало ты должен почтить и уважить меня, потому я — твой родитель. Пей, поросенок, а то выкину тебя из саней; что хочу, то и сделаю, потому я — твой родитель, а ты, пострел, сын и должен слушаться родителя, что он тебе скажет. Ну, пей!

Митька дрожал и от холода, дрожал и от страха перед отцом, боясь, а ну-ка он спяну и в самом деле сбросит его с саней. Что ему делать в темном лесу, да еще в такую пору? А волки?! И мальчик взял бутылку из рук отца и стал тянуть все, что оставил недопитым отец. Но много ли мальчонке надо?

— Ай да молодец! Да ты в отца, значит, будешь; не подгадишь, значит, Митька, потому я — отец, и ты должен уважить родителя...

Но Митька уже не слышал бормотанья опьяневшего отца, его сильно клонило в сон, и он быстро мертвецки заснул.

Вьюга разыгралась не на шутку; по лесу стон стоял от ветра, и лошаденка то и дело сбивалась с дороги и попадала в сугробы снега. Пьяный Иван тормозил ее и дергал немилосердно вожжами в разные стороны, понукал ее, угощая самыми отборными бранными словами.

По середине леса с этой дороги был поворот в сторону, за которым дорога шла глубже в лес и через десять верст выходила к большому селу. Как раз на этом месте Иван дернул вожжою лошадь, и она повернула и пошла совсем по другому направлению. Иван ничего не заметил и лишь больше погонял свою клячу. А Митька спал крепким сном. На одном большом ухабе санки сильно накренились, и Митька полетел из них прямо в снег. Отец не заметил падения Митьки и продолжал нахлестывать лошадь. Митька словно и не почувствовал падения. Ему было мягко лежать в рыхлом снегу; ему стало даже как будто теплее; вот ему чудится, что он лежит на горячей печке и смотрит, как мать суетится около нее и ставит тесто для пирогов — завтра ведь праздник.

— Мамка, — говорит он, — дай теста.

Но мать велит ему спать и ждать на утро пирога; и он поворачивается на бок и сладко засыпает, мечтая о вкусном пироге...

Между тем и Ивана начинает клонить в сон; мало-помалу руки опускают вожжи, и голова склоняется на грудь... Лошадь идет все медленнее и, наконец, совсем останавливается перед большим сугробом снега. Но Иван не замечает этого. Не замечает и того, что около саней и лошади ветер навевает целую гору снега и их заносит...

А в деревне старуха-мать ждала батьку и не дождалась, — к утру ее не стало, она умерла без напутствия Св. Дарами. Напрасно ждала и бедная жена своего Ивана с сынишкой. Наступило утро, а их все не было. Объявила она деревенским властям, эти взяли понятых и отправились на розыски. Долго ходили они... Наконец, один из них совсем случайно наткнулся на вытащенный волками из снега и объединный труп Митьки. После этого скоро нашли они на дороге в глубоком сугробе и замерзшего Ивана с лошадью.

Неутешно плакала бедная вдова и проклинала водку, которая сгубила ее Ивана с сынишкой и отняла у нее все радости жизни...

Белев, 1913 г.

Водка сгубила / Издание Братства трезвости во имя святителя
Николая чудотворца при Белевском Спасо-Преображенском
мужском монастыре, – Белёв: Типография М. А. Глаголева, 1913. — 14
с.